

Автор идеи, составитель
Алексей Болотников

ТЕСИНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ

№9

Алексей Болотников

Тесинская пастораль. №9

«Издательские решения»

Болотников А.

Тесинская пастораль. №9 / А. Болотников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562267-9

С идеей сбережения самобытного и национального в своей культуре, с любовью и нежностью к Отечеству, с гордостью за принадлежность к великой русской литературе издается сельский альманах.

ISBN 978-5-00-562267-9

© Болотников А.
© Издательские решения

Содержание

Тесинская пастораль	6
От издателя	7
Наиболее важные события 2021 года	8
Проза моего села	12
Алексей Болотников. Из книги «Русские как существительные»	12
Вся полнота жизни	12
Константин Болотников. Записки односельчанина.	15
Антон Филатов. БОМЖ. Сага жизни	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тесинская пастораль №9

Составитель Алексей Болотников

ISBN 978-5-0056-2267-9 (т. 9)

ISBN 978-5-0051-3918-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тесинская пастораль Сельский альманах на 2021 год

*Журчи, мой родничок, родная речь.
Не иссякай, тесинская строка.
Я должен тебя холить и беречь,
Пока я есть и чувствую пока.*

А. Болотников

Авторы благодарят за помощь в издании альманаха:

Администрацию Тесинских детских садов и Тесинской СОШ №10 за творческое сотрудничество с альманахом;

Авторов, предоставивших творческие работы, за сотрудничество

Учредители:

Клуб патриотов села «Тесинская пастораль»

Редколлегия альманаха:

Алексей Болотников – главный редактор

Галина Ксензик – секретарь

Члены редколлегии:

Виталий Беспрозванный

Валентина Болотникова

Николай Корепанов

Людмила Соборова

Рукописи не возвращаются и не оплачиваются.

В оформлении использованы фотоработы В. Голубева и В. Болотниковой

Пастораль, – и. ж. Жанр в европейской литературе и искусстве XIV – XVIII вв., характеризующийся идиллическим изображением жизни пастухов и пастушек на лоне природы, а также произведение этого жанра (**pastorale – франц.**)

«...В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чем свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений. Вся языческая вера в переселение души, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле, есть плод прозрачных пастушеских дум».

Сергей Есенин «Ключи Марии»

*«Берегите национальное в своей культуре! Любите родное Отечество!
Гордитесь тем, что вы русские!»*

Илья Глазунов

Алексей Болотников

Б 32 Тесинская пастораль. Сельский альманах на 2021г. – 100 стр.

© А. К. Болотников, составитель, 2022

От издателя

Дорогой читатель!

У тебя в руках – девятый номер «Тесинской пасторали», сельского альманаха на 2021 год. Издаётся как ежегодник. Второй из номеров, по которым не было тиража. Причины очевидны: пандемия, раздраз в умах и душах, снижение бюджетных возможностей у бывших спонсоров... и дарителей. Однако, никто не отменял заказ одного, или несколько номеров по системе print on demand.

Творческих возможностей, к счастью, достаточно. В номере традиционные рубрики с публикацией стихов и прозы. краеведческих разысканий, и другого содержания очерков. Как всегда, в тексте фото и рисунки... И в завершении – «Хронологический указатель дат Тесинского летоисчисления»...

Счастливого тебе чтения!

Наиболее важные события 2021 года

13.01.2021 Коллектив Тесинского художественного музея работал над сценарием на учебный фильм по теме «Бессмертный полк Теси». Частные истории из биографий Бессмертного полка. В феврале писали ещё два учебных фильма: о Вадиме Елине и о технике написания акварели. Последний урок вел известный мастер акварели, художник Виталий Вальков. Оператор и монтажер будущих роликов – Степан Черемных (Селиваниха). Сценарист Г. Ксензик.

Два слова о сюжетах: Вадим Васильевич Елин – красноярский художник, подаривший в своё время Тесинской галерее 141 работу. Как сказано в сценарии: «Это автор портретной галереи тесинцев, тружеников колхоза «Искра Ленина». Он не имел званий, даже не был членом Союза художников. Интересно об этом факте высказывание самого художника: «Я привёз однажды рекомендацию в Союз художников от Горяева – это классик советской графики. А тут некоторые стали издеваться: ах, у него от самого Горяева рекомендация, куда уж нам. Короче, я плюнул и уехал. А на прощанье «товарищам» написал четыре строчки: «Город – газ, город – грязь, город – гам. Не к лицу мне интриги и ругань. Я в деревню вернусь к мужикам, ну а вы тут мочальте друг друга». Понимаешь, быть членом Союза – ещё не означает быть художником».

5.02.2021 Завершен восьмой номер Тесинской пасторали (журнала на 2019—2020 год). Вышел в интернет-варианте. Пока что на изготовление бумажной книги в формате А5 нет источника финансирования.

15.02.2021 Понедельник. Сегодня Тесинской школе 160 лет! В книге «Звон отдаленных лет» сохранена подлинная история: в именах, цифрах и фактах... Вот, например, цитата из хроники:

«В Енисейской губернии Минусинского округа в селе Тесинском открыто одно Приходское училище по Уставу учебных заведений 1828 года в 15 день февраля 1861 года. Открытие сопровождалось: 1) молебствием, 2) крестным ходом, 3) произнесением г. Благочинным и местным священником поучений родителям детей, учащим и желающим учиться, и, наконец, 4) общественным обедом, данным обществом, на котором был произнесен тост за здоровье Государя Императора и другой тост за всех ревнителей просвещения...»

22 апреля 2021 Четверг. 151-й день со дня рождения Владимира Ильича Ульянова (Ленина, если кто не знает), первого председателя Совета Народных Комиссаров, нарождающегося Союза ССР...

Для Теси – событие не сакрального значения, но памятное, прежде всего: Владимир Ульянов четырежды бывал в нашем селе. В его жизни (1870 – 1924) было не так уж много географических пунктов в России, Европе, Азии, где оставил следы... В Сибири, в том числе... Здесь отбывал политическую ссылку за идеи социал-демократии, не угодные правителям России той эпохи. Встречался с соратниками по политической борьбе, высланными сюда за создание и деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»... В Теси сооружен и стоит до сего дня памятник вождю мирового пролетариата – В. И. Ленину. На нём отныне есть и табличка на память с именами упомянутых соратников: Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, З. И. Невзорова, А. С. Шаповалов, Ф. В. Ленгник, Е. В. Барамзин и др.

Вождь и гениальный стратег того времени, В. И. Ленин, воплощавший свои убеждения о преимуществах социал-демократии в обустройстве мира, той памяти стоит.

09.05.2021 На девятое мая митинг прошел т.с. в «урезанном масштабе»: в режиме пандемии ковида. Возложение уполномоченным сообществом венка к Мемориалу воинам, митинг в том же режиме... Но большой концерт в СДК.

10.08.2021 Вторник. В центре села, почти на костях – на прахе священнослужителей Тесинского Богородице-Казанского собора – возводится очередная спортплощадка. Или как её там... Спортсменов столько нет... Однако, хорошо то, что в центре села убавится неухоженной территории, заросшей дурниной. Тем более, высокие чины из краевой епархии освятили почти на тех же костях местечко, где возводится храм (часовня?), говорят, в честь святого Илии... Освятили – стало быть можно топтать.

19—26.09.2021 На съезде краеведов и Историческом форуме в Красноярске участвовал методист ТХМ А. Болотников.

03—07.11.2021 Книгу «Очарование розой ветров» Алексея Болотникова взяли на КРЯКК-2021. Это XV-я книжная ярмарка в Красноярске. Нынешнюю, как сообщают устроители: «Красноярскую ярмарку книжной культуры – флагманский проект Фонда Михаила Прохорова, планируют провести не онлайн, а в реальности. Тема КРЯКК-2021: «Мужское и Женское. Трансформация социальных ролей в современном обществе».

12.11.2021 ...Встретились с Германом. Точнее с последней книгой минусинского писателя Игоря Викторовича Германа «Театральная баллада». В Тесинской художественном музее 13 ноября прошла презентация этого сборника повестей. Это третья книга автора. С кратким представлением автора от очеркиста, писателя, поэта Александра Ёлтышева, зам. главного редактора альманаха «Енисей».

Книга издана тиражом в 1000 экз. Попала в библиотеки края и республики Хакасия. И у неё уже обозначился читатель... Не только местный и отечественный. Например, экземпляры книги попали в библиотеки... американского Конгресса и города Лондона (Великобритания). Повезло... им... волею Ивана Полуэктова, литературоведа, посредника, изучающего литпроцесс в России и поставляющего наиболее достойные работы в упомянутые книгохранилища. В ТХМ презентацию книги провёл Сергей Капитонович Ошаров. В восьмидесятых годах прошлого века около полутора лет работал в с. Тесь освобожденным секретарем ячейки ВЛКСМ. Об этом периоде биографии он вспоминал с удовольствием: «жил у тетки Марьяны Семеновы... Прояснила мне, что мы родственники с героем Советского Союза Петром Ивановичем Колмаковым... Благодарен уважаемому председателю Ивану Александровичу Луцику...»...

Вероятно и презентацию книги Игоря Германа, к которой Сергей Капитонович имел прямое отношение, как инициатор, организатор, меценат издания, в Тесь привез из-за проявления того же чувства... Привез, провел отличную часовую встречу с заинтересованными тесинцами, щедро подарил экземпляры в школу, библиотеку, музей и частным лицам...

Проза моего села

Алексей Болотников. Из книги «Русские как существительные»

Вся полнота жизни

Матренич возвращался из города. Какой бес руководил его поездкой, кой черт программировал день, а только не обошлось без козней поднебесных.

Чиновники городской власти, «сити-мэнеджеры», планирующие транспортный хаос пассажирских перевозок, так подработали дорожное расписание, что «без булды не разберешься».

С запуском работы обновленного автовокзала у Матренича выработался собственный алгоритм заезда-выезда. День он обделывал делишки в «новой части города». Шатался по Торговому центру (рынок) и нужным адресам. Обедал в кафе. Остаток времени просиживал в архиве, библиотеке, или картинной галерее – в «старой части города». И было в этом алгоритме свое резюме: последний час предназначался для покупки билета на автобус. Не купишь – все равно поедешь, но – стоя...

Место в автобусе в иную поездку не доставалось. И никто не уступит. А ноги – не казенные. Хотя и воцарился рыночный сервис в отечестве, однако, лукаво не замечает, что обкрадывает пассажира, не обеспечив ему, за те же деньги, комфортный проезд.

В общем, уяснил Матренич, алгоритм этот, как вскоре выяснилось, сложился не в одной ушлой голове, но в подавляющем множестве. Не для одного загородного рейса, но для всех. И, очевидно, во многом же множестве российской транспортной логистики.

...Подумать только, как все логично: город-автовокзал-село... Если бы не... придуманные обстоятельства. Если бы, например, маршрут «автовокзал-село» был без... удобств. Не обрастал бы усложненной маршрутной схемой движения, выработанной сити-менеджерами для удовлетворения запросов пассажиров: «автовокзал-рынок-село». «Рынок» здравомыслящие сити-менеджеры здесь впарили для того пассажира, который привык садиться в автобус отсюда. И катить напрямик «город-село»! Такому пассажиру не хочется посещать автовокзал с меркантильной целью – приобрести билет с местом.

Матренич во всей этой круговерти условий выработал свой алгоритм.

Сити-менеджеры учли все запросы! Интересно одно загадочное наблюдение. Пассажиры-матреничи ездят по льготе, и, покупая билет с местом, на промежуточной стоянке «рынок» вновь предъявляют карту для пробивки на валидаторе. Мало того, проводники в автобусе забирают карту до конца поездки, чтобы, вероятно, вторично пробить тариф валидатором. Словно льготный пассажир передумал сходить на конечной остановке и снова уезжал по маршруту «село-город». Транспортники-предприниматели выторговали у отцов-законодателей способ заработать чуток больше, чем на провозе одного платного пассажира. Вам любопытно? Хотите знать?.. Не вашего ума дело. Вероятно, так сговорились власть и бизнес. Одни поставили условие дополнительной транспортно-маршрутной поездки, другие – возможности покрыть затраты на это.

В общем, и овцы целы, и волки сыты.

Сегодня автобус переполнен. На автовокзале на вечерний рейс места раскуплены. Но закон – есть закон, и автобус пошел по расписанию на рынок. Здесь-то и подсели к Мат-

ренычу две колоритные пассажирки. Место для одной из них зафрахтовали её товарки: «Зинулька, ты де?.. Да Тоська это... А мы уже в автобусе... Да я, Катюха и Гера Крахова. Тебе, птичка, место держим. Токо в заду мы... самом. Ага, пробивайся там...»

Другая, Новелла Ивановна, дама бальзаковского возраста, круглотелая, словно колодезная бочечка, обремененная тремя сетко-сумками, втиснулась на уступленное ей место, потеснив подобную себе, но пожилую пассажирку Марию Спиридоновну. Последней пришлось собственные две сетки водрузить на коленки. Дамы будто бы разрезинили пространство, втиснув тройной объем в двойное сиденье.

...Итак, Матреныч, зажатый в углу Тоськой, Зинулей, Катюхой и Герой, поперед себя был заперт Новеллой и Марией.

Автобус благополучно миновал ямочно-ремонтные асфальты города и вышел на загородную трассу. Сумерки сквозили в запотевшие окна. Водитель погасил огни салона. Пассажиры, рассредоточенные тряской и качками, похохатывавшие и чертыхающиеся, постепенно затихали. Товарки рядом не могли уgomониться, переживая сумбур городского дня. Делились добытым впечатлением:

– Последний раз ездила... Хотя умру – не поеду.

– Так ты то кажин раз говоришь.

– ...а ну их на... хутор.

– А я, дура, к снохе зашла. Говорит, чё приперлась. Иди за бутылкой. Вынудила – пошла ведь... Теперь каюсь.

– А я думаю, чё это окна запотели.

– Новый маркет видели? Ну чисто ангар самолетный, даже три в одном... И все по тридцать девять...

– Как это?

– Цена на всех прилавках такая: что на крупу, что на рыбу в банках. Нахапала вот... – Гера вдруг привстала и попыталась двинуться в проход.

– Ты... куда это?

– Лучше постою...

Бабы недоуменно замолчали, не пытаясь даже уступить ей проход. Гера шевелила торсом и головой. Пошлепывала губами. Садилась и через секунду снова вставала.

– Погоди, че ты... Поплохело, чё ль?

– Да ничо, ладно. Освоилась, вроде. – она села, развернув-таки торс спиной к бабам.

Последние недоуменно переглянулись.

– ...Садят, как селедку в бочку...

– ...Так и всегда было.

Матреныч, оценивший телодвижение Геры, словно непознанное природное явление, озадаченно думал. Точнее, дремал. Его пассажирский угол, словно пулеметная амбразура, защищал от мира сего. Качка и тряска уже не беспокоили, но убаюкивали. Полутьма салона зашуривала глаза.

Внезапно, прорываясь сквозь дремоту, словно отодвигая пулеметную амбразуру, Матреныч увидел впереди, как Мария Спиридоновна пытается уплыть под сиденье, криво скособочивая тело. Ей мешает сетка на коленках, переднее сиденье, соседка справа и собственное грузное тело.

Клонясь то вправо, то влево, она запускает руку между ног. Виновато смотрит на Новеллу. Новелла, наконец, просыпается.

– Чё тако?..

– Та сетка... соскользнула... туда.

Сетка с яблоками упала под сиденье. Как на зло – сиденье над колесом автобуса, неудобно закруглаенное под ногами. Яблоки, очевидно, раскатались.

Как же... надо ж... чё же... – соседка вертит головой, но не торопиться двинуться с места. Безмолвно осмысливает ситуацию.

– Так и че же? Не достанешь?..

– ...да ладно бы... но выходить скоро.

– Ну, счас встану.

Новелла Ивановна оглядывает проход, выискивая место куда поставить сетки. Ничего не высмотрев, все же пытается встать... Бочковой её вес и корабельные габариты, втиснутые между подлокотниками сиденья, остаются на месте, словно памятник на постаменте. Точно волны Адриатического моря, в движение приходят стоящие в проходе пассажиры. Они колышутся, вибрируют, откатывают тесноту в глубь салона. Наконец, Новелла Ивановна видит место для сумок и сеток. Извернувшись, ставит сетки на пол и начинает выворачиваться из кресла. Грудь её перевешивает зад. В проход она становится на колени. Опирается руками в пол. Поднимает зад выше головы.

Мария Спиридоновна не теряет момента. Подвинув свой торс на освободившийся плес, она занырнула телом под сиденье. Вышаривая рукой сетку, собирала яблоки...

В салоне автобуса – мрак и тишина. И только шум двигателя да шин сопровождают салонную интермедию.

Матреничу неуютно, стыдно и ещё как-то не по себе... Встать и помочь – исключено: по соображениям полного хаоса. Остается – сочувствовать. Однако, и этого чувства не возникает, как ни тужись. Досадно, что эта реальная картина мира обнажилась до бесстыдства и обреченности. Кто виноват? Теснота. Полнота. Душевная немота...

Словом, «в зеленых плакали и пели», как и сто лет назад. Не исключено, что и на будущие сто лет.

Автобус тормозит на первой остановке. И после обычной сутолочной толкотни высвобождается от лишних пассажиров. Новелла, Мария, Зинуля, Катюха, Гера и Матренич едут до конца. Им уже не много осталось.

Константин Болотников. Записки односельчанина. Часть третья. Жизнь на черновую¹

Продолжение

«Если мы хотим понять наш народ, то чтение школьного учебника по истории не дает ровно ничего. Это учебник по истории русского государства и его недальновидной, склочной «элиты». Эта история ничего нам про нас не объясняет. А история русского народа еще не написана. И если мы хотим понять, кто мы, откуда и как мы такие появились, то ее нужно написать. Обязательно». С. В. Кочевых

«...Данные официальных источников и архивных массивов не способны отразить всю многогранность исторического процесса, а зачастую вольно или невольно искажают ее. Важнейшим проводником в эпоху, одним из ценнейших инструментов оживления истории и важным каналом сохранения исторической памяти являются свидетельства «безмолвствующего большинства», о которых следует сказать подробнее. Они позволяют не только полнее реконструировать прошлое, но и изучать особенности самой социальной памяти, идентичности, ментальности. В этой связи трудно переоценить значение народных мемуаров, т. е. воспоминаний простых, обычных людей о былом..

Проблема заключается в том, что, по справедливому утверждению Александра Солженицына, «простой народ мемуаров не пишет», хотя у многих существует потребность поделиться воспоминаниями о прожитом и прочувствованном, оставить след в памяти потомков.

.....
1 Рафикова С. А. Народные мемуары как источник по истории советской повседневности//Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 2009. – №2. – С. 74—78.

*Эту тетрадь я взял для того, чтобы в ней
что-нибудь сочинять – что получится.*

Недолго я был один

Когда я стал работать в сельсовете, Матрёна с семьей, то есть с братом Сашкой и матерью, переехали в Тесь, я жил тогда у свата Сысоева Сергея. А вечерами зачастил к Моте. Да так, что... заметили Саня и мать, Мария Ивановна...

¹ Из книги: Алексей Болотников. Константин Болотников. ОТЧИНА. Книга вторая. ОТЕЦ

Однажды она [Мотя] мне заявляет: долго будешь так ходить? Давай сойдемся? Значит не я её, она меня сватала.

А я не стал долго раздумывать. Давай! И в праздник 7 ноября закатили свадьбу на три дня.

Родители мои не одобряли мой брак. А что мне родители! Сам с усам. Алешка – тоже. Да ну их! Ну, и зажили мы с Матреной, я бы сказал, неплохо. Поселился у них на квартире. Саня обеспечивал все по хозяйству. Потом мы все-таки ушли на другую квартиру, в дом, где сейчас живет Николай Кузнецов. Тогда там жила одна женщина с сынишкой.

Рубцов ушел и некому было меня вводить в суть дела. Я должен был сам постичь все, что от меня требовалось в этой должности. И требовалось, как я потом понял, не мало. Сейчас сидят в сельсовете человек 10, тогда был рассыльный, забыл, как его называли... Таковым был сначала при мне Резников, старик на деревянной ноге. Потом Колмакова Анастасия – за весь период моей работы.

Так вот в чем заключалась моя работа... Конечно, писать протоколы разных собраний и заседаний, потом их копировать и отсылать в район. Потом ЗАГС: регистрация брака, рождения и смерти. Финансовые дела. Составление сметы и ее использование, и опять же отчеты по ним, перед райфо. Налоги. Начисление и сбор налогов. Верно, потом ввели должность налогового агента. Ну, еще тогда эти займы – компании за компаниями – подписка на займы и сбор денег. Еще раз о выборах: центральный, район, сельсовет. Секретарю работы – невпроворот. Списки избирателей, пропаганды кандидатов, протоколы, протоколы. Ход выборов до 12 часов ночи. И еще перепись населения. Верно в то время, кажется, не было. Это было потом. Вот не полный список моих обязанностей.

Самкова ушла, заступил Горинов Андрей Анисимович. Тоже на деревяшке, совсем неграмотный, только кое-как научился расписываться, чтобы подписывать справки да протоколы. Мы с ним быстро сработались. Наверное, еще и уважал, потому, что я все исполнял хорошо, умело.

Я быстро всему научился. Но проработал не очень долго, потому что ввели должность налогового агента, и мне предложили эту должность.

Уже точно забыл кому передал секретарство. Наверно, Лёве Мягкому, а сам стал начислять и собирать налоги. Но и на этой должности проработал недолго. Меня начало зудеть, что у меня только 7 классов образования... А жизнь – впереди, как-то надо получать образование. В Кемерово не вышло. Значит, надо что-то другое придумывать. И придумал! В Ачинск, в техникум советской торговли.

В сентябре 1938 года черт меня заставил поступить в техникум. Впрочем, черт тут ни при чем. Хотелось повышать свое образование. Райфо неохотно [было] меня отпускать, райисполком рекомендовал мне поучиться на курсах административных работников. А как семья, работа?

Семья... да еще не семья, а трое... Ровно через 9 месяцев появилась дочка. Вот и семья. Как их бросить? Жалко. Но отступаться от задуманного не хочу. Поговорил... Матрена в конце концов согласилась. И я поехал на приемные экзамены. Кое-как сдал. Все-таки перерыв после школы – 5 лет. Приехал домой. Забираю все свои документы, еду в райфо. Предъявляю бумажку из техникума о зачислении... Принимайте, мол, дела мои и отпускайте.

Делать нечего: уволили и я уехал. Но я уже съездил, сдал экзамены в техникум, поэтому никто задержать меня не мог. Я собрал все свои документы, отвез в райфо и – до свидания, сельсовет.

С 1 сентября 1938 года началась моя студенческая жизнь, одни из счастливых дней моей жизни. Несмотря на все трудности, которых, между прочим, хватало. Стипендия была до 80 рублей, одет был плохо. Даже вши водились, но мы не унываем. Матрёна моя приехала опять на ферму, работала и изредка посылала мне из Теси посылки, 40—50 руб.

Учиться – неплохо

Несмотря [на то], что едва сдал вступительные экзамены. Все-таки 5 лет [прошло], пере-забыл много. Особенно по математике... Мне преподаватель едва не выставил тройку. А я сразу взял козла за рога. Был у нас один Миша Карпачев, Он сразу стал отличником. Оценки выводили по пятибалльной системе. Сколько оценок – троек, четверок, пятерок – все складывается и делится на число. Выводится общий бал. 3—4, 4—5, 5. Мишка сразу набрал бал 5, а я 4,8—4,9. Он получал 80 руб, а я 70. Но через одну четверть я его догнал и стал пятерочником и получал тоже 80 руб. Нас вывесили на Доску почета, где было две категории: кто имел четверки, общий балл (составлял 4,8—4,9) назывались ударниками; кто имел одни пятерки – отличниками...

В первой четверти... во второй был в отличниках рядом с Мишей. Об этом еще расскажу подробнее.

Теперь хочется назвать некоторых студентов из моего курса, которых еще помню. Это Иван Ятульчик, Костя Яценко, Вася Шаров, Федя (забыл фамилию), из девчонок – Ларионова Валька, Шура Безрукова. С Валькой мы все-таки дружили. Но, к великому сожалению, она погибла.

Шли с подружкой по шпалам ж. д. вечером, но [дул] сильный ветер и не слышали, как на них наехал паровоз и...

Фотография, где похороны, у меня сохранилась. Опять надо вернуться в школьные годы. Назвать кого помню из одноклассников, интерната: это двое Колесниковых, Иван и Сергей. Был еще и третий – Алексей, но он с нами не жил, был еще молодой. Кстати, когда я уходил на работу в райфо, сельсовет сдал именно ему, Алексею Колесникову. Кто еще был? Нина Полещук, Петька Мумаркин, Лапин Саня... Чуть не забыл самого лучшего друга Алёшку Болеева. Он был на все опытный, способный. И я ему стремился подражать, играть умел, на руках ходить и другие достоинства имел. Мать его была по фамилии Шевцова. А почему он – Болеев, не знаю. Отца не было, был отчим, поляк Новоминский. Жили они в Минусинске, я там однажды был. Потом отчим уехал куда-то на Север. Он вроде геологам был, что-ли. И исчез. С Алексеем я еще раз встречался в 1949 году в Минусинске. Но больше его не видел... Перезабыл всех других!

Вернемся теперь опять в Ачинск «прекрасный», как мы его прозвали. Наша жизнь шла как обычно. Студенческая жизнь! Кроме учебы были, естественно, и развлечения. Пили пиво с получки, устраивали концерты. Кстати, к тому времени я уже умел играть на гитаре и на мандолине. Любил особенно менуэт. Играл даже классику. Научился играть на гармошке. Интересно отметить, что никто из моих сестер и братьев музыкальных способностей не имел, один я оказался музыкальным, причем ни у кого не учился, достигал сам. Быстро запоминал мелодии и без особого труда воплощал в музыкальный инструмент. Еще в коммуне я, мальчик, играл со взрослыми на самодельных домашних концертах. Пока на балалайке, потом на мандолине. В школе играл на школьных концертах. В то время впервые увидел и услышал баян. Как он мне врезался! Я в нем увидел неограниченные возможности. Заметил, что выигрываются и все тона и полутоны, чего на гармошке нельзя. Второе: можно менять октавы и тональности. А тональности нужны, чтобы можно было подыгрываться к любому голосу.

Ну, к баяну еще вернусь позже.

Продолжение (начало см. в Тесинская пастораль на 2015—2016, 2017—2018, 2019—2020 гг.)

Антон Филатов. БОМЖ. Сага жизни

Книга третья. Политика серых

Герой нашего криминогенного повествования Евгений Борисович Шкаратин, неприкаянный скиталец, известный более своей кличкой Шкалик, ищет отца. Так уж случилось: умирающая мама оставила семнадцатилетнему Женьке одно лишь сердобольное завещание, уместившееся в короткую предсмертную фразу: «Найди отца, сынок... Он хороший... не даст пропасть...» Завещание матери стало для Шкалика делом его жизни. Всего-то и слышал Женька Шкаратин об отце: «...Он не русский, а звали по-русски... Борисом. Фамилию не запомнила... Не то Сивкин, не то Кельсин... Китайская какая-то фамилия. А вот примета есть... пригодится тебе... У него мизинец на руке маленький такой... культяпый. Найди отца, сынок...»

Глава первая. Неформалы

Шкалик шпынял кошку. Рыжика, кошару, так и не определенного по полу, игручего, словно заводной попрыгунчик, научил бегать за фантиком, тугим комочком конфетной обложки. Рыжик приносил зубами фант, клал у ног Шкалика и с напряжением ожидал нового выстрела... щелчком. Фьють! Комочек отлетал в темный угол, а кошара кидался за ним, выуживал из-под тумбочек, ловко шурудил лапами, гоняя шарик, как заядлый футболист... «Кошки дрессируемы? Умны, как собаки?» – с изумлением восхищался Шкалик. И снова пулял шарик.

В соседней комнате сидел плотный шатен в синей рубашке. Чикал клавишами компьютера. Лицо его, подсвеченное бликами дисплея, сосредоточено в мученической гримасе: отражает какую-то гнусь души. Полный стакан чая, выдвинутый на авансцену стола, так и не отпит, и уже не парит. В затылок шатена из оконного переплета струится полуденное солнце, пригревая голову. Лучистые блики высвечивают и углы, и кошака, и Шкалика, заражая всех живостью, беспричинной бесшабашностью. Хорошо-то как...

Зашипел знакомый Шкалику звук принтера: поползли из него напечатанные листы.

– Не надоело тебе, Шкалик, с кошкой миловаться? Полы бы помыл. Или, вон, потолок добелить надо. Незавершонка, блин, у тебя.

– Так у геологов каждый проект – незавершонка. Это норма. А потолок побелю, не психуй, Юрий Иванович. Завтра и добелю.

– А сегодня? Не в тонусе? Завтра у меня снова уфологи соберутся, надо по Аскизкому полтергейту поговорить. Эта бесовщина снова зашевелилась, есть жертвы. Давай, не тни кота за х... Вернусь... проверю... Кстати... Слушай, Евгений! Может, со мной пойдешь?

– Это куда?

– Так к ниферам на сходку! В «Геологе» через час собираются. Решил с ними познакомиться поближе. Какие ни есть, а – мыслители.

– Что за нихера?

– Неформалы. Ниферы, короче. Ну, ты знаешь... Сходки у них, как маёвки у рабочих перед революцией. Из ваших к ним Егерь ходит. Городские Водолевский, Афанасьев, Алфимов... Из Нички какой-то социал-активист Новосадов бывает. Плюс – нарколог... или психиатр, газетчики... Но самый продвинутый у них, так сказать, негласный лидер – Андрей Нечкин, учитель из пятой школы. Историк... Других мало знаю.

– Женщин нет? С неформалками у меня контакты лучше получаются.

– У кого что болит... В другой раз в видеосалон позову.

– Я тебе зачем?

– Подумал: ты по образу мыслей тоже неформал. Как-то у тебя все догмы в оригиналы вырисовываются. Неформально мыслишь. Да и повадки у тебя... шукшинского чудака. Пойдем. Мне там хочется свою... та... скать... фракцию иметь.

– Не вопрос. А потолки?

– После собрания успеешь. Надеюсь, ты патриот. Хочешь родине помочь? Хочешь, язви тебя, только сам об этот, вижу, не решил. Пора подключаться.

– А женщины в видеосалон с кем ходят?..

– Не с мужем же. Ты достойный кандидат. Так идешь в... «Геолог»?

Отказывать Якличкину было не с руки. Шкалик поселился в его квартире, обустроенной когда-то под контору СибНИИЦАЯ[1], расположив к себе уфолога-геофизика-ученого единственным – случайным! – разговором про Зелененького и чудесное избавление от пожара в Борзе. Благоустроенное жильё! Тахта, туалет, душ... Чай с печеньками. Питаться приходилось покупными пирожками и постными угощениями случайных встреч с закадыками... За проживание денег Якличкин не брал, выговорив свой интерес в ремонте обветшавшей квартиры. Шкалик согласился, выторговав в свою пользу «покупку материалов за счет заказчика».

– Есть ещё час до начала. Послушай мои тезисы выступления, может, что посоветуешь?

– Не обещаю.

Якличкин отпил глоток остывшего чая, стал читать текст с только что отпечатанных листов.

«Эпоха Перестройки – поминки по Развитому социализму. Скорбное торжество на весь причастный свет. Зачин крушения человеческого сообщества в условиях сравнительно-мирного сосуществования этносов планеты.

С чем сравнить совершающийся катаклизм? Может быть, с оживлением иллинойского вулканизма? С парниковым потеплением и таянием ледников Ледовитого океана? Со вздыбившимся Чернобылем, условно-укрощённым на какое-то время железобетонным чудищем – Саркофагом?

Все началось промозглым днем незабвенного декабря, на помпезных похоронах Генерального секретаря ЦК КПСС СССР Леонида Брежнева. Гроб с его телом, препровождаемый к погребальной аллее величественным ритуалом прощания, в последнее мгновение акта великодержавные могильщики едва не уронили в могильную яму, заставив суеверно вздрогнуть всё мировое сообщество, сгрудившееся у Кремлевской стены, вокруг Красной площади советской столицы, у экранов телевизоров прогрессивного человечества.

Гробовой скрежет расколол эпохальную тишину Застоя. Крушение началось...»

– Я могу сказать?

– Что такое?

– Ты совета ждешь?

– Уже созрел? По существу, или по процедуре? Ну, ваяя...

– Безапелляционный взгляд у тебя на современную историю, не находишь? Похороны генсека, как гонг старта для... крушение всей картины мира.

– Это диспут. В зале «Геолога», в пылу дискуссии спросишь, ладно? Пока продолжу.

Сокрушительная работа реформаторской мысли страшнее атомной войны. Казалось, гуманистическая идея «равенства, братства и свободы», возбудившая умудрённый честолубивый мозг, плюхнувшись в евроазиатское болото, способна осчастливить равнодушное человечество, претворив в жизнь грандиозные планы скоропалительных переустройств. Верилось: некий дисбаланс добра и зла, обречённо бурлящий в созидательно-разрушительном процессе, исторически закономерен, научно просчитан и наперёд оправдан. И, думалось, – в конечном итоге триумфальное добро перевесит неотъемлемое зло и оправдает будущие сумасшедшие потери и ошибки. Победит, как и прежде, универсальная эволюция».

– Э-э-й, господин докладчик... Извините, если сбиваю с мысли... А можно тут пояснить: что такое это... за... революция?

– У, как запущено... Эволюция. Универсальная. Как бы это объяснить... В университетских кругах понимается, как всеобъемлющая концепция развития мироздания. В другое время попробую растолковать подробнее, но сейчас не диспут.

– Потерплю. Не обмани.

...«Хотели, как лучше, а получилось, как всегда» – ключевая формула результатов наступивших реформ всплыла и болтается, как мазут в проруби, символ оправданий всех несостоятельных идей и несбыточных надежд доброй половины отчаявшегося человечества. Формула поражения, в которой нет и йоты исторической совести. И – тем более – нет меры оправдания.

Великие Поминки по Развитому социализму, разругавшие и разделившие клановых родственников, а затем обрушившие и весь порядок сосуществования этносов и государств, явили и являют миру лучшие образцы трагедийных пьес. Превзошли всю театральную мощь легендарной фабулы «Весь мир – театр, а люди в нём актёры». Переплонули известную классику Софокла, Шекспира, Гёте, Уайльда, Шоу, Островского, потрясавших человечество трагикомическим содержанием трагедийных сюжетов. А в более поздние времена вынесли в планетарные масштабы (вместе с сором из избы) вирус грядущих мировых катаклизмов...»

– Можно ещё пакостный вопрос?

– Давай, по дороге спросишь? На этом закончу читать. Чай допью и поспешать будем.

– Много ещё текста?

– Тезисы. Через пень-колоду прыгаю.

– Хорошо. Давай ещё цитату?

– Последний абзац: «Господи прости...»

– Хм-м... С этого и надо было начинать.

Путь до «Геолога» недалек. Якличкин, как обычно горячась и загораясь азартом, заговорил о «стремление к максимальной личной свободе, к полной, без исключений, независимости. Да, обходиться без свободы, как ранее обходились, недёшево... В условиях провинции быть ярко выраженным панком, байкером или металлистом – означает немало... Для иных это – отказаться от учебы вообще, от работы в элитных компаниях, или в... нормальных конторах. Обойтись максимум ПТУ, или разгрузкой товарняков... Определение „неформал“ носит ярко выраженную негативную коннотацию, относимую обществом в разряд новых субкультур...»

– То есть, неформал – это бунтарь по новой моде? Как панки на западе?

– Это не бунтарь, живущий ради смуты, а человек с нетрадиционными взглядами и манерами. Типа под дурака косит, или начитанный, мыслящий... Радикал, словом, раскрепощённый иногда до бесстыдства.

– Бомжи? Бичи? Зачем они в «Геологе» кучкуются?

– Интересуешься? Куда тебя понесло!

– А тебя?

– В «Геологе», или в «Юности», на мой взгляд, диспуты могут породить новую парадигму развития нашего государства. Или очертить, как минимум, какую-то новую идеологию. Не капитализм же нам строить? Кляли его годами, сокрушали вкупе с проклятым империализмом.

– А чем марксизм-ленинизм не устраивает?

– Есть и такие теоретики: социал-демократы, большевики, эсэры, коммунисты... Но эти сейчас в застое, мягко сказать.

– В загоне.

– Да, не в фаворе. Хотя неизвестно еще, куда кривая выведет.

– И что же предлагает эта... эволюция... универсальная?

– А ты хорошо схватываешь. Далеко пойдешь.

– А зачем это мне?

– Хм-м... озадачил. Ну, вам бы секс на завалинке да алые паруса... на горизонте. А за вас другие особи решают ваши судьбы! Как вам это?

– А вам?.. Всех не перестреляете. Мы были, есть и будем.

– Пушечное мясо? Вы бы хоть инстинктивно поостереглись. А нам... а мы... Сейчас в клубе слушаем: ху есть ху.

Народу в актовом зале «Геолога» было немного. Но шли и шли, парами и одиночками, любопытствуя о том, что тут будет. Лампы источали свет вполсилы, жалея тех, кто примирился с пылью на полу и стенах, стиранными, изношенными занавесками да залоснившейся бахромой портьер. Создают декорации беззвёздной ночи, словно писанные проделкой любвеобильной ведьмы Солохи, крадущей звезды, чёрт бы её взял. Деревянные сиденья, сбитые в ряды, двери, окрашенные синей эмалью... Редкие тенёты с высоких потолков висели, как рыбацкие сети: хоть и не путина, хоть и не угрожали людской жизни.

На первом ряду сидели – а близ них стояли – мужчины, неуловимо выделявшиеся чем-то необъяснимым. «Ниферы» – понял Шкалик – «философы и радикалы»... Этот – в потертой шляпе, с фариковой ручкой под её ленточкой – жестикულიровал у виска указательным пальцем, воздетым вверх; третий, замороженный спиральной магией пальца, мотал седой, бритой головой. Пара мужей, отвернувшись от зала, перешептывались, переступая ногами, словно в замедленном танце. Три женщины... Одна из них пришла с девочкой-семилеткой. «Наверно, не с кем оставить... Незамужние» – определил Шкалик намётанным глазом. – «В поиске, как я». Девочка шумно бегала по залу, не обращая внимание на «шики» от мужиков. Мама не реагировала.

Среди сидящих в креслах, сутуlostью спины Шкалик узнал геолога Егеря, и полуобернувшегося в зал партийного секретаря экспедиции Владимира Волкова. Они шептались, шуршали, клонясь друг к другу, коробками со спичками.

Последний из неформалов, невысокий парень в потертом пальто и с лицом выпивохи, скорчившись в кресле первого ряда, откровенно дремал, словно не было в зале ни шума, ни шороха, ни говора.

По ступеньке на сцену поднялся самый молодой из неформалов. Невысокий, молодцевато-подтянутый, с ровной причёской русых волос, оглядел зал, словно, пересчитывал головы.

– Школьный учитель Андрей Нечкин – шепнул на ухо Якличкин.

– Господа... Мне доверили внести диспут. Начнем. Пару вводных слов. Мы собрались, чтобы продолжить обмен мнениями о будущем государственного устройства нашего отечества. И города. О возможных формах и сущностях содержаний... С вашего позволения установим регламент. Три-пять, максимум семь минут на ваше концептуальное, не побоюсь этого слова, заявление. До десяти минут на вопросы-ответы. Если никто не присоединится к нашим ораторам, полагаю, на всё-про всё хватит полутора часов. Кто за регламент – поднимите руки. Есть ли вопросы ко мне? Нет. Начнем. Приглашается философ, господин... Афанасьев.

Из кресла степенно поднялся не старик, но стареющий мужчина. Он приосанился, передернул плечами, несколько напряженной походкой одолел лестничные ступеньки. Шкалик знал его по рынку: «Афоня» торговал газетами. Глаза его из-под «брежневских» бровей смотрели остро, пронизательно. В движениях порывист. Тяжелую выючную сумку таскал на продавленном плече, отчего издали был узнаваем.

– Хотел прочесть стихи. Женщин побаловать рифмой. Но передумал... Дискуссия у нас весьма прозаическая, чес-слово... Как нам обустроить свою власть? Тут думать и думать надо. Ленинизм, похоже, окончательно рухнул. Это и к лучшему. Значит и конституция наша больше не подходит. Менять надо. Как нам разделить сиамских близнецов – власть и капитал? Этого не понимает почти никто. Не понимаем существа вопроса! Причина проста. Ибо понимать-то, оказывается и нечего. За все последние лет пятнадцать и в политической, и в экономической

жизни России практически ничего существенного не происходит. Хотя происходить должно. Вся наша политическая и экономическая жизнь буквально замерла. В ней ничего не меняется.

– Зато культурная о-как ожила! Даже в «Геологе» театр появился! – громким фальцетом выкрикнула одна из женщин.

– Тут и видеосалон эротику показывает! – со смешком добавил вдруг Юрий Якличкин.

– Культура... не знаю... – с паузой продолжал Афоня – А все наши заводы каким-то техническим чудом работают на самом изношенном в мире оборудовании. Наши тепловозы, например, можно демонстрировать в музеях древней техники. На самолетах становится опасно летать. А в сфере инноваций Россия ставит самый позорный мировой рекорд: самый низкий в мире процент инновационной продукции – пять процентов. Хуже этого может быть только полная остановка промышленности из-за окончательной технической изношенности.

А в политической жизни застой и того опасней. За последние годы не последовало государственной реакции на уже начинающуюся стагнацию.

Почему же у нас все так происходит? А какие есть предложения? Что делать? Давайте ваши формулировки, постатейно, значит, попунктно... Тут кто-то думать должен. Вот мы зачем собрались, собираемся, значит, систематически? Мы кто такие? Нас кто уполномочил? Ответьте мне? Если б меня кто-то уполномочил, я бы внес на рассмотрение свой пакет предложений. У меня разработано. Но кто меня должен уполномочить? Горком партии? Горсовет? Может, из нас... тут нужно создать какой-то орган, с полномочиями? Как там, кстати, в кап-странах в этом смысле дело поставлено? Кто знает? – по жесту оратора было понятно: выговорился.

– Позвольте вопрос? – из зала, не поднимаясь из кресла, откликнулся парторг Волков.

– Готов ответить – Афоня порывисто отозвался.

– Если бы мы... вас... уполномочили, что бы вы предложили изменить в структуре власти... в нашем городе?

– Сейчас зачитаю, у меня записано. Во-первых, кардинально, категорически и навсегда отлучить капитал от власти. И беспощадно карать любую попытку чиновника использовать власть для личной наживы. Вплоть до смертной казни.

Во-вторых, обеспечить режим максимально-возможного благоприятствования развитию малого и среднего предпринимательства. Создать политические, экономические условия для форсированного формирования в стране и в обществе экономически-активного среднего класса, в противовес олигархии крупного капитала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.